

## ИЗ ПОЧТЫ "ОНС"

Т.В. ПАНФИЛОВА

**Клонирование в свете  
концепции гуманизма**

О клонировании сегодня спорят, и позиции разнятся до противоположности. Обычное возражение против клонирования сводится к тому, что вмешиваться в человеческую природу, когда последствия такого вмешательства опасны или по крайней мере неясны, – безнравственно. Сторонники клонирования обычно подчеркивают, что они решают человеческие проблемы, не разрешимые иным способом, например создают для человека резервные органы, чтобы продлить ему жизнь или даже обеспечить бессмертие. Очевидно, обе стороны апеллируют к нравственности, понимаемой сходным образом: хорошо то, что поддерживает человеческую жизнь (тем более, человеческую природу); плохо то, что ее нарушает.

Что касается "человеческой природы", я бы поостереглась пользоваться этим термином в силу его описательности. Гораздо содержательнее, на мой взгляд, понятие "сущность человека", которую следует искать в отношениях предметной деятельности, то есть в общественных отношениях. Поскольку последние исторически изменчивы, придется признать, что природа человека состоит в отсутствии раз и навсегда данной природы. Принимая во внимание историческую изменчивость человека, полагаю, что определение его сущности следовало бы уточнить: совокупность общественных отношений, в которые человек *реально* включен. В истории представлены разные типы общественных отношений, и сущность человека исторически меняется вместе с ними. Поскольку в случае клонирования затрагивается сущность человека, а не только состояние его организма, придется учитывать не только нравственный аспект проблемы, но и вопрос о том, каковы будут отношения между генетическим двойником данного человека и обществом, в котором этот двойник создан: можно ли считать, что благодаря клонированию мы получим человека, обладающего новой сущностью?

Если апелляция к нравственности кажется вполне правомерной даже с точки зрения здравого смысла, то вопрос о месте клона в обществе требует теоретического подхода. Правда, мне представляется, что и в моральном отношении недостаточно лишь здравого смысла. Хотелось бы разобраться в том, отвечает ли клонирование принципам гуманизма, причем не в расхожем представлении о нем как о хорошем отношении к человеку. Я говорю о принципах теоретически осмысленного гуманизма.

О несовпадении этих двух толкований гуманизма мне уже доводилось писать [Панфилова, 1999, с. 76–81]. На мой взгляд, гуманизм следовало бы понимать как исторически обусловленную систему воззрений, в которой человек выступает самодовлеющей ценностью и самостоятельным субъектом собственных действий, развитие которого по законам собственной деятельности признается необходимым условием развития общества.

Обращение к концепции гуманизма особенно важно на тот случай, если возражения противников клонирования окажутся необоснованными и с медицинской точки зрения в клонировании не обнаружится ничего опасного для жизни или же ничего непредсказуемого. Расхожая мораль здесь уже не работает, коль скоро угроза жизни отсутствует, а возможность ее продлить нали-

цо. Как быть тогда? Признать ли гуманизмом работу медиков по воспроизводству генетических двойников? Следует ли стремиться к обещанному индивидуальному бессмертию? Наконец, сочетается ли вообще бессмертие с гуманизмом?

На первый взгляд, что плохого в том, чтобы продлить жизнь человеку или даже обессмертить его? Ничего. Но ведь в данном случае речь не о том, хорошо это для нас сегодня или плохо. Я отвечаю на другой вопрос: гуманизм ли это? Важнейший признак гуманизма – признание человека самодовлеющей ценностью и сознательным субъектом собственных действий. Иначе говоря, гуманизм не тождествен тому, что считается хорошим, или даже тому, что необходимо для поддержания жизни, точнее – существования организма.

Правда, от подобного толкования отличается еще и религиозная трактовка жизни. Однако она для меня интереса не представляет, поскольку в ней человек изначально поставлен в зависимость от сверхъестественной реальности, так что гуманистический взгляд на человека как на самодовлеющую ценность здесь изначально исключен. Я же обращаюсь к гуманизму как к исторически определенной системе взглядов, в которой личностная субъектность представлена в качестве самодовлеющей ценности.

Такой подход к человеку не может не быть исторически ограниченным, ибо на практике соответствующее отношение к человеку (и человека к самому себе) существовало далеко не всегда и со времени возникновения (эпоха Возрождения) до сего дня представлено только в виде исторической тенденции, не охватывающей всех сторон человеческой жизни. И если совершается какое-то действие, необходимое для поддержания жизни человека, но идущее вразрез с отношением к нему как к сознательному субъекту собственных действий (например, акт благотворительности), я готова высоко оценить такой поступок, даже при определенных условиях назвать его нравственным, но отказываюсь считать его проявлением гуманизма, ибо под определение гуманизма он не подпадает.

Клонирование, по-моему, вместе со всеми предполагаемыми благами, которое оно может принести, – это проявление не гуманистической, а напротив, отчуждающей тенденции, ибо оно вносит свой вклад в укрепление отношения к человеку как к вещи, обладающей взаимозаменяемыми частями. Впрочем, таков подход всей современной медицины к человеку. Клонирование – закономерный его продукт, не лучше и не хуже прочих. Медицина преимущественно ориентирована на излечение уже имеющихся заболеваний, а не на предотвращение их. Для нее необходимо наличие больных, которым надо помочь излечиться, чтобы те продолжили функционировать в существующих общественных условиях, но потребности саморазвивающейся личности ее не касаются. Тем самым она как бы освящает и узаконивает разрыв между развитием личности и развитием общества. Точно так же и клонирование предполагает усовершенствование механизмов приспособления человека к дегуманизированному обществу, а вовсе не переориентацию общества на неповторимость и ценность личности.

Конечно, это претензия не к клонированию и даже не к медицине вообще, а к обществу, создающему условия для такого подхода к человеку, в результате которого субъект-субъектные отношения уничтожаются в зародыше, зато в человеке поддерживается иллюзия, будто бессмертие его организма – для него благо. Вместе с тем это констатация того, что клонирование, как и медицина в целом, – отнюдь не "островки гуманизма" посреди отчужденного общества.

Возможность существенно продлить человеческую жизнь – важнейший аргумент в пользу клонирования. Но какой ценой предлагается этого достичь? Пока речь идет о генетических двойниках вообще, мы невольно представляем себе два безликих организма, например две безразличные для нас овцы, каждую из которых мы не прочь были бы увидеть на своем столе в виде шашлыка. Но когда речь заходит о человеческих генетических двойниках, возникают вопросы: кто и по какому принципу будет определять, кого из них пустить на запасные органы, а кого сохранить в качестве потребителя этих органов? Защитники клонирования выражают надежду на то, что генетики не допустят превращения клона в личность, так что двойник, предназначенный быть поставщиком запасных органов, останется всего лишь организмом.

Замечу, что этим проблема первоначального отбора не снимается, зато в полный рост встает еще одна: как сохранить человеческий организм, не допуская процесса социализации. Насколько я могу судить, чтобы организм функционировал человеческим образом, он должен быть организмом *человека*, то есть существа, несущего на себе исторически преходящую общественную печать. Иначе говоря, это существо должно обладать человеческой сущностью, что, в свою очередь, означает его включенность в систему общественных отношений путем освоения человеческой деятельности. Но тогда получается, что одного человека мы делаем средством

для поддержания жизни другого. Можно ли придумать более явное расхождение с основами гуманизма?

Хотя гуманизм представляет собой, на мой взгляд, важнейшую тенденцию всемирно-исторического процесса, нельзя не замечать и противоположной отчуждающей тенденции. Человек стал бы безусловной ценностью только в случае полной реализации первой, но сегодня отчуждающая тенденция безусловно доминирует. Она дает о себе знать в многообразных проявлениях, о которых мне (и не только мне!) доводилось неоднократно говорить и писать: "гримасы" глобализации, в результате которых богатые богатеют, а бедные беднеют; культ грубой силы, включая военную, под разговоры о свободе и демократии; пренебрежение развитием личности и ориентация на усреднение под видом соблюдения прав человека, и т.д. [Панфилова, 1999; 2000; 2001]. Нет смысла продолжать этот список, но важно, что в него, на мой взгляд, входит и клонирование.

Особенно ярко отчужденный характер и обесчеловеченность клонирования проявляются в обещании обеспечить человеку бессмертие. Хочу подчеркнуть, что "обесчеловеченность" в данном случае следует понимать в буквальном смысле слова – лишенность человеческого содержания, – а не в переносном как отрицательную оценку самого феномена. Готова признать, что в "человеческом, слишком человеческом" тоже не так уж много хорошего. Сейчас речь о другом: совместимо ли данное явление с исторически *ограниченным человеческим* содержанием?

Полагаю, что мысль обесмертвить человека с помощью клонирования покоится на натуралистическом истолковании человеческой жизни как жизни организма, но с технократическим уклоном, благодаря которому организм предстает в виде механизма с взаимозаменяемыми частями. И обещание обеспечить человеку бессмертие скорее всего – рационализация технократического принципа, прекрасно описанного и раскритикованного Э. Фроммом: должно быть сделано все, что технически возможно. Если в результате общество уничтожит само себя, это уже не вопрос для технократа [Фромм, 1993, с. 243]. Применительно к данному случаю, если бессмертия можно достичь с помощью науки и техники, его надо достичь. Что будет дальше, проживем – увидим. Это не вопрос для специалиста по клонированию. И хотя нельзя исключать, что кто-то искренне жаждет обесмертвить человека, нельзя сбрасывать со счета и того, что рационализация обычно осуществляется бессознательно, то есть человек может думать, что стремится осчастливить человечество, а в действительности проводит в жизнь господствующую в обществе технократическую установку. Сказанное означает, что оценка клонирования с помощью моральных норм оказывается недостаточной, поскольку фактически мы имеем дело уже не с вопросом о продлении жизни *человека*, а с проблемой создания какого-то нового существа, выходящего за пределы человеческого и не укладывающегося в рамки обычной нравственности.

Человек, обеспечивший себе бессмертие, перестает быть человеком в привычном смысле слова. Если до сих пор сущность человека менялась вместе со сменой типа общественных отношений, в которые он включен, поскольку каждое следующее поколение в процессе социализации осваивало изменившуюся систему отношений, то теперь человек утратит способность к сущностным изменениям, ибо сам он однажды прошел процесс социализации и теперь заинтересован в сохранении системы общественных отношений, при которой бессмертие ему обеспечено. Возникновение новых поколений окажется под вопросом. Связь "бессмертного" существа с обществом не может остаться прежней и примет непредсказуемый характер. Какие-то общественные изменения, вероятно, будут происходить, однако с уверенностью можно утверждать, что смена общественных отношений перестанет быть естественно-исторической.

Возникновение "внечеловеческого" существа означает и то, что утратит свое значение мораль, до сих пор выполнявшая функцию регулятора общественных отношений. Допускаю, что возникнут какие-то другие регуляторы отношений между "бессмертными", но они уже не будут привычной моралью, несущей на себе печать ограниченно человеческого, "слишком человеческого".

Таким образом, стремление к индивидуальному бессмертию представляет собой попытку вывести человека за пределы истории и тем самым устранить такую особенность личности, как историческая субъектность, вместе с которой отпадет и гуманизм, существующий *только* в истории. Многим людям индивидуальное бессмертие кажется желанным. Что ж, о вкусах не спорят. Надо только отдавать себе отчет, что, став бессмертным, ты перестанешь быть человеком в привычном смысле слова, а значит и привычные ценности и моральные нормы перестанут действовать. Поэтому, оценивая клонирование, мы выбираем не между хорошим и плохим,

нравственным и безнравственным, а между человеком с его проблемами и ограниченными возможностями и каким-то внечеловеческим существом, преодолевшим человеческую ограниченность вместе со всеми особенностями человеческого бытия. И как тогда достигшие бессмертия существа сами оценят свое состояние, мне неизвестно. Ясно, что считать его обычным человеческим благом нет оснований.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

*Панфилова Т.В.* Личность во всемирной истории (методологические аспекты). М., 1999.

*Панфилова Т.В.* Россия в мировой политической истории // Философия мировой политики. Актуальные проблемы. Учебное пособие. М., 2000.

*Панфилова Т.В.* Проблема оценки последствий глобализации // Традиционные и новые ценности: политика, социум, культура. Материалы международной конференции. М., 2001.

*Фромм Э.* Революция надежды // *Фромм Э.* Психоанализ и этика. М., 1993.

© Т. Панфилова, 2008

---

|                          |                               |                                                     |
|--------------------------|-------------------------------|-----------------------------------------------------|
| Сдано в набор 19.10.2007 | Подписано к печати 04.12.2007 | Формат бумаги 70 × 100 <sup>1</sup> / <sub>16</sub> |
| Офсетная печать          | Усл.печ.л. 14,3               | Усл.кр.-отт. 19,3 тыс.                              |
|                          | Тираж 1332 экз.               | Зак. 809                                            |

---

Свидетельство о регистрации № 0110134 от 04.02.1993  
Министерство печати и информации Российской Федерации  
Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

---

Адрес редакции: 119049 Москва, Мароковский пер., 26  
Издатель – Академиздатцентр "Наука", 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90  
Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"  
Отпечатано в ППП «Типография "Наука"», 121099 Москва, Шубинский пер., 6